DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.3.05

УДК 725.945.01(470.22)(091)

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ МЕМОРИЗАЦИЯ СОБЫТИЙ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КАРЕЛИИ

А.В. Антощенко

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

О СТАТЬЕ

Получена: 16 июля 2019 г.
Принята: 09 сентября 2019 г.
Опубликована: 04 октября 2019 г.

Ключевые слова:

Вторая мировая война, Карелия, военные мемориалы, историческая память, места памяти, мемориальный ландшафт, коммеморативные практики, образ врага.

АННОТАЦИЯ

Автор статьи рассматривает военные монументы, воздвигнутые в Республике Карелии в память о событиях Второй мировой войны. Особенность Карелии состояла в том, что здесь советские солдаты сражались с финскими войсками, оккупировавшими значительную часть республики в годы Великой Отечественной войны. Актуально рассмотреть влияние этой особенности на монументальную меморизацию военного прошлого республики. В качестве методологической основы для исследования автор избрал сочетание семиотики и нарратологии. Он рассматривает военные мемориалы как знаки, указывающие на прошлое, смысл которому задавали коммеморативные практики, связанные с ними. Совокупность этих практик можно подвергнуть деконструкции как исторический нарратив. В качестве источников использовались архивные материалы, публикации газет и результаты социологического опроса. В результате изучения источников автор выделил три периода в процессе монументальной меморизации. Первый период (вторая половина 1940-х – середина 1960-х годов) – начало формирования мемориального ландшафта на сельских и городских кладбищах, на которых устанавливаются типовые памятники. Воспоминания о Финляндии как главном военном противнике вытесняются из публичного пространства в личную память индивидов. Во второй период (вторая половина 1960-х – конец 1980-х годов) сложилась целостная система публичных коммеморативных практик, целью которой являлось утверждение единства советского народа и исторической связи между победой в Великой Отечественной войне и социалистической революцией 1917 года. Наконец, третий период (начиная с 1990-х годов) приводит к символическому разрушению социалистических истоков победы и возникновению военных мемориалов, призванных реализовать идею окончательного примирения с бывшими врагами. В результате появляются монументы, увековечивающие память о всех погибших во Второй мировой войне, включая финских солдат. Эта тенденция вступает в противоречие с возрождением государственной политики памяти, нацеленной на консолидацию общества путем формирования представления о современниках как наследниках славной освободительной миссии советских солдат. Вновь создаваемые военные памятники превращаются исключительно в места славы, а не скорби, что может подпитывать желание «повторить» в противоположность осознанию «никогда больше».

© ПНИПУ

© Антощенко Александр Васильевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>, e-mail: antoshchenko@yandex.ru.

© Aleksander V. Antoshchenko – PhD, Associate Professor, Professor of Russian History Department, Institute of History, Political and Social Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2366-3750>, e-mail: antoshchenko@yandex.ru.

Эта статья доступна в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)
This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License (CC BY-NC 4.0)

MONUMENTAL MEMORIZATION OF THE WORLD WAR II IN KARELIA

Aleksander V. Antoshchenko

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

ARTICLE INFO

Received: 16 July 2019

Accepted: 09 September 2019

Published: 04 October 2019

Keywords:

World War II, Karelia, war memorials, historical memory, places of memory, commemoration, enemy image.

ABSTRACT

The author of the article considers military monuments erected in the Republic of Karelia in memory of the Second World War. The peculiarity of Karelia is determined by the fact that here the Soviet soldiers fought with the Finnish troops, who occupied a significant part of the republic during the Great Patriotic War. Therefore, it is important to consider the influence of this feature on the monumental memorialization of the military past of the Republic. As a methodological basis for the study the author has chosen a combination of semiotics and narratology. He regards war memorials as signs pointing to the past, the meaning of which was given by commemorative practices associated with them. The totality of these practices can be deconstructed as a historical narrative. The author used archival materials, publications of newspapers and the results of a sociological poll as sources. As a result of studying the sources he singled out three periods in the process of monumental memorialization. The first period (the second half of the 1940s – mid-1960s) is characterized as the beginning of the formation of a memorial landscape in rural and urban cemeteries where typical monuments were installed. Memories of Finland as the main military adversary were driven out of public space into the personal memory of individuals. In the second period (the second half of the 1960s – the end of the 1980s), an integral system of public commemorative practices emerged, the purpose of which was to establish the unity of the Soviet people and the historical connection between the Victory in the Great Patriotic War and the socialist revolution of 1917. Finally, the third period (since the 1990s) leads to the symbolic destruction of the socialist origins of the Victory and the emergence of military memorials designed to implement the idea of a policy of reconciliation with former enemies. As a result there appears the monuments which perpetuate the memory of all those who died in World War II, including Finnish soldiers. This trend is in conflict with the revival of state memory policy aimed at the consolidation of society through the formation of ideas about contemporaries as heirs of the glorious liberation mission of Soviet soldiers. Newly created military monuments are transformed exclusively into places of glory, not grief, which can fuel the desire to “repeat” as opposed to the understanding of “never again.”

© PNRPU

В период Второй мировой войны на землях, входящих в состав современной Карелии, произошло два крупных военных столкновения, которые изменили как территорию, так и статус республики. Первым из них была «Зимняя война», начавшаяся 30 ноября 1939 года. В ходе ожесточенных и кровопролитных боев Красная армия завоевала значительные финские территории на Карельском перешейке и в Северном Приладожье. Эти районы по московскому договору 1940 года отошли Советскому Союзу, что позволило отодвинуть советско-финляндскую границу от Ленинграда (ныне Санкт-Петербург). Их большая часть была присоединена к Карелии, которая стала Карело-Финской Советской Социалистической Республикой, одиннадцатой республикой в составе СССР.

Сразу же после войны начался процесс увековечивания памяти о погибших в ней красноармейцах. Осенью 1940 года в местечке Сейвясто (ныне Озерки) командование Балтийского флота установило гранитный знак в память о погибших здесь моряках. В Ленинграде был объявлен открытый конкурс проектов сразу 50 памятников в местах боев и на братских могилах. Планировалось создать музей под открытым небом на «линии Маннергейма» [1, с. 421–422]. Однако процесс монументальной меморизации был прерван новой войной.

22 июня 1941 года германские войска вторглись на территорию СССР. Через три дня финское правительство объявило войну Советскому Союзу. Для Финляндии это была «война-продолжение». В ходе наступательных операций финские войска не только отвоевали утраченные в результате Зимней войны территории, но и захватили Восточную Карелию и столицу республики г. Петрозаводск. Идеологическим обоснованием целей войны стала идея создания Вели-

кой Финляндии, которая предполагала включение в ее состав Карелии с автохтонными народами – карелами, вепсами, ингерманландцами. Названные «пришлыми» народы, прежде всего славянские, финляндское правительство планировало выселить после войны дальше на восток. На период военных действий они заключались в концентрационные лагеря, созданные на всей территории Карелии и в Петрозаводске, который был переименован в Энислинна.

Для населения СССР эта война стала Великой Отечественной войной, главным врагом в которой являлась нацистская Германия. Однако на захваченной территории КФССР существовал финский оккупационный режим, а немецкие войска выступали в качестве союзников финнов и вели боевые действия только на северном участке Карельского фронта. Тем самым в годы Второй мировой войны Карелия представляла собой уникальный регион, что не могло не сказаться на памяти о войне. К этому следует добавить, что в послевоенный период отношения между СССР и Финляндией существенно изменились: бывшие враги в 1948 году заключили «Договор о дружбе и сотрудничестве», ставший основой для развития добрососедских отношений с середины 1950-х годов. В этих условиях умолчание о прошлых обидах стало необходимостью. Все это ставит ряд вопросов об особенностях монументальной меморизации Второй мировой войны в Карелии. Главные из них: как политика памяти повлияла на воспоминания о Зимней войне или ее забвение? Как отразился разрыв с советским прошлым в начале 1990-х годов на монументальной меморизации Второй мировой войны?

Для ответа на эти вопросы использовались различные источники: документы из Национального архива Республики Карелия, публикации периодической печати, выражавшие официальную точку зрения в советское время и разнообразные подходы к проблеме в постсоветский период. Восприятие военных мемориалов жителями Петрозаводска и Карелии было выявлено на основе социологического опроса, проведенного Лабораторией визуальных исследований в истории Петрозаводского госуниверситета в 2009–2011 годах и материалов дискуссий в интернете.

Методологической основой изучения материала стали положения семиотики, согласно которым монументы с гносеологической точки зрения рассматриваются как знаки, указывающие в направлении некоторых событий в прошлом, но не задающие их оценок. Они являются скорее метонимическими указателями, нежели метафорически объясняют прошедшее, как это делают исторические нарративы [2, р. 94–95]. Означаемое прошлое приобретает смысл в результате превращения монументов в «ритуальные площадки» [3, с. 134], используемые для социализации индивидов, проживающих в том или ином поселении, регионе или стране в целом. Церемониалы, обряды и ритуалы определяют ценностное отношение их участников к прошлому, на которое указывает монумент, т. е. превращают его в «место памяти» [4]. Тем самым в онтологическом аспекте они могут рассматриваться как средство формирования социокультурной исторической идентичности людей. Применительно к военным мемориалам именно коммеморативные практики выражают отношение выживших или потомков к павшим на поле боя, что позволяет рассматривать эти памятные знаки как денотаты идентичности не только умерших, но и живых [5, р. 287].

Такой подход, направленный на раскрытие смыслообразующей функции коммемораций, дает возможность обратиться к принципам нарратологического анализа. Их применение позволяет провести деконструкцию процесса наделения военных мемориалов историческим смыслом посредством коммеморативных практик с учетом аналогичных функций исторического повествования (нарратива) – актуализации того или иного значения прошлых событий, формирования идентичности и преодоления травматического опыта прошлого [6]. Подобно

стратегиям формирования исторического нарратива можно выделить политическую, эпистемологическую и эстетическую стратегию при деконструкции коммемораций военного прошлого. Деконструкция политической стратегии начинается с определения того, какие социальные группы и в каких целях стремились к увековечиванию тех или иных событий прошлого. Следующим шагом является рассмотрение того, как представления об этих прошлых событиях проходили экспертную оценку специалистов и воплощались в художественные образы памятников и мемориалов. Наконец, завершающим шагом должно стать определение, каким образом идеи «политиков» (говоря в общем, социальных групп, которые желали увековечить прошлое в определенных целях), трансформированные в художественные образы скульпторами, воспринимались участвовавшими в церемониях открытия памятников и изменялись в восприятии участников коммемораций в течение того или иного периода времени.

Взятые вместе «места памяти» формируют мемориальный ландшафт, приобретающий определенную конфигурацию в зависимости от соотношений и иерархии этих мест. Этот ландшафт соотносится с определенной физической территорией, но не равнозначен ей. При изучении мемориального ландшафта перспективным представляется использование понятий «центр» и «периферия». Трансфигурация ландшафта происходит в результате того, что старые центры утрачивают свое значение, а появление новых центров ведет к изменению смысла прошлого. Зарождение новых смыслов происходит на «периферии», а их утверждение – в «центре», который в результате этого утверждения подчиняет себе «периферию», лишая ее своеобразия. Этим определяется структура повествования в этой статье: однотипные данные для всей Карелии будут приводиться кратко, если они не выражают новых тенденций, а лишь иллюстрируют уже устоявшееся значение, большее внимание в силу центрального положения как столицы республики будет уделено Петрозаводску.

В ходе исследования было выявлено три периода монументальной мемориализации событий Второй мировой войны в Карелии.

Первый – послевоенное двадцатилетие – характеризуется полным забвением Зимней войны и отсутствием четкой стратегии в придании монументальными средствами особого смысла победе в Великой Отечественной войне. Из трех крупных проектов мемориалов в Петрозаводске, на Беломоро-Балтийском канале и близ деревни Кестеньга в Лоухском районе, разработанных в конце войны, был реализован лишь последний. Он представлял собой Триумфальную арку, возведенную в спешке в самом конце 1944 года, при оформлении которой использовались образцы отслужившей свой век военной техники – пушки и пулеметы, а также снаряды. В силу своего архитектурного решения этот памятник свидетельствовал о военной мощи Советского государства и уверенности в скорой победе над врагом, а поэтому не мог стать местом поминовения погибших в незакончившейся тогда еще войне. К тому же созданная из непрочных материалов арка вскоре пришла в негодность и была демонтирована [7].

Главными местами памяти о войне в это время являлись кладбища, расположенные рядом с населенными пунктами, куда после окончания войны стали переносить останки красноармейцев, захороненных в братских и индивидуальных могилах, которые создавались зачастую близ мест боев и находились в труднодоступных местах. В соответствии с «Основными требованиями по благоустройству мест военных захоронений на территории Карельской АССР» в конце 1950-х годов на многих могилах стали возводиться типовые памятники, представлявшие собой скульптурные группы с фигурами воинов с оружием и склоненными знаменами или скорбящих женщин [8]. Особенности расположения кладбищ в г. Петрозаводске (на «периферии» города – в районах Зареки и Песков) и традиционный ха-

ракет захоронений, на которых зачастую устанавливались деревянные православные кресты, делали их местом проявления индивидуальной, личной скорби о погибших или умерших от ранений родственниках. Лишь в дни торжеств поминовение приобретало общественный, публичный характер с митингами и возложением цветов пионерами и тружениками промышленных предприятий города [9, с. 191–192].

Второй период – с середины 1960-х до конца 1980-х годов – это время крупномасштабной монументальной меморизации Великой Отечественной войны и оформления комплекса унифицированных коммеморативных практик, направленных на формирование представления о ней как месте проявления героизма, а также на воспитание чувства признательности тем, кто отдал свою жизнь за свободу Родины. Подобно тому, как это было сделано в столице СССР, в республиканской столице был сформирован мемориальный ландшафт, центром которого стала Могила Неизвестного Солдата с Вечным огнем [10, с. 10]. Причем этот мемориальный комплекс был сооружен в непосредственной близости от могил красноармейцев, погибших в годы Гражданской войны, и напротив памятника В.И. Ленину, воздвигнутому на главной площади города еще в 1933 году. Таким образом, символически закреплялась связь между революцией 1917 года, Гражданской и Великой Отечественной войнами. Она утверждалась в церемониалах, ритуалах и коммеморативных практиках, повторявшихся в дни празднования Дня Победы и Дня освобождения Петрозаводска. Легко узнаваемое сходство внешнего облика мемориального комплекса в карельской столице с Могилой Неизвестного Солдата у Кремлевской стены в Москве, а также практическое повторение, хотя и в меньшем масштабе, церемониала зажжения Вечного огня стереотипизировало символику празднования, посредством которой День Победы вписывался в торжественный ряд славных свершений, открываемых приходом к власти большевиков в октябре 1917 года. В ходе ежегодных торжеств демонстративно закреплялось преимущество государственного – общественного – публичного над индивидуальным – личным – приватным в восприятии значения Великой Отечественной войны [11, с. 91–93]. Аналогичные празднования, хотя и меньшего масштаба, были характерны для всех населенных пунктов Карелии, что приводило к закреплению идентичности жителей Карелии как представителей «новой исторической общности – советский народ». Унификация праздничных торжеств в масштабе всей страны закрепляла в качестве образа общего врага фашистскую Германию. Начавшийся в 1970-е годы процесс разрядки, в котором добрососедские отношения СССР и Финляндии представлялись как образец взаимовыгодного сотрудничества стран с различным общественным строем, привел к отказу от упоминаний во время празднования Дня Победы об участии последней в Великой Отечественной войне на стороне противника. В результате воспоминания о региональных особенностях военных конфликтов на территории Карелии в годы войны были вытеснены их официальной коллективной культурной памяти, оставаясь лишь достоянием индивидуальной коммуникативной памяти. Если сразу после войны для тех, кто оказался на оккупированных землях, они были опасны, то теперь такие воспоминания стали просто неуместны.

Третий этап начался с 1991 года. Однако истоки тех процессов, которые определили его характер, прослеживались уже в конце 1980-х годов, когда критика достижений социалистического строя затронула и отношение к Великой Отечественной войне, поставив под сомнение характер празднования Дня Победы. И хотя в Петрозаводске праздник состоялся, но в этом и следующем году он был, пожалуй, самым малочисленным за все годы [12, 13]. Распад СССР и становление новой государственности России были отмечены обостренной политической борьбой, которая развернулась по всей стране, но с особенной силой – в российской сто-

лице. Как свидетельствуют исследования, этот процесс захватил и отношение к московским памятникам и мемориалам, которые воспринимались политиками как символический капитал, владение которым укрепляло позиции той или иной партии [14]. Не миновало это явление и столицу Карелии, где противостояние Верховного совета Карелии и горсовета Петрозаводска приобрело символический характер: в 1993 году глава исполнительной власти республики В.Н. Степанов приветствовал своих сторонников, собравшихся у Могилы Неизвестного Солдата, тогда как городской лидер А.С. Колесов вместе с другими членами горсовета открыл новый памятник воинам, партизанам и подпольщикам Карельского фронта [11, с. 95].

В 1995 году была возрождена традиция проведения парадов в ознаменование Дня Победы, что свидетельствовало об усилении внимания государственных структур к празднику. Празднование пятидесятилетия Победы было отмечено в Петрозаводске еще одним важным мемориальным событием: открытием созданного по инициативе главы городского самоуправления С.Л. Катанандова нового оригинального памятника Победы, в центре которого оказалась Птица-Феникс, олицетворяющая возродившуюся из пепла войны обновленную Россию. Нестандартность решения заключалась в попытке связать послевоенное восстановление страны с современными процессами в новой демократической России. Мемориал не планировался как явная оппозиция старому центру проведения торжеств в дни празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне. Однако ставший в 1998 году мэром города А.Ю. Демин сумел оттеснить своего оппонента С.Л. Катанандова, возглавившего в это время уже правительство республики, на старые позиции – на пл. Ленина, к Могиле Неизвестного Солдата, так что фотографам приходилось выбирать такой ракурс съемки, чтобы при возложении цветов к мемориалу над головами высокопоставленного чиновника и его окружения не маячил огромный памятник В.И. Ленину. Они никогда не выступали вместе на торжествах в дни празднования Дня Победы, каждый обращался к ветеранам войны у «своего» памятника. Однако распадение общего мемориального ландшафта определялось не столько кратковременными разногласиями административных руководителей разного уровня, сколько общей тенденцией увеличения числа вновь создаваемых памятных мест, что как бы подтверждало вывод П. Нора, что чем меньше «живой памяти», тем больше ее символических заместителей. Значительный рост числа памятников и памятных знаков приводил к тому, что они оказывались в центре общественного внимания лишь на короткий момент их торжественного открытия, а потом становились эстетическими фрагментами архитектурного облика Петрозаводска [15]. О том, что новые памятники не приобретали свойств «мест памяти», формирующих ценностное отношение к тем событиям, на которые они указывали, свидетельствовали результаты социологических опросов, проведенных в городе в 2009–2010 годах [16].

Развал Советского Союза и образование независимой России, ставшей правопреемником исчезнувшего государства, потребовали рефигурации отношений России с бывшими врагами времен Второй мировой войны. Начало 1990-х годов ознаменовалось политикой примирения. 11 июля 1992 года было подписано «Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечивании памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне». Подписание этого документа создало правовую основу для реализации предложений, высказываемых с конца 1980-х ветеранами Зимней войны и родственниками погибших в ней воинов – жителей г. Москвы, Карелии, других регионов – о возведении памятника павшим. В октябре 1992 года было принято решение о сооружении памятника воинам, погибшим в советско-финляндской войне 1939–1940 годов. Место для воз-

ведения памятника было выбрано у развилки дорог на города Петрозаводск, Питкяранту и Суоярви. Здесь шли продолжительные бои, а в настоящее время расположен историко-мемориальный комплекс «Долина героев», которую местные жители называют «Долина смерти», так как на ней находится 18 братских захоронений. Учитывалось и то, что это место находится на туристическом маршруте «Голубая дорога», соединяющем Карелию с Финляндией.

На проведенном в следующем году конкурсе проектов памятника, в жюри которого было два представителя из Финляндии, победил проект скульптора Л.Ф. Ланкинена из Петрозаводска. Он наиболее точно выражал идею примирения, основой для которого являлась скорбь. «Крест скорби» – так был назван памятник – создавали две фигуры женщин, символизирующие русскую и финскую матерей, чьи сыновья погибли в боях друг против друга.

Россия и Финляндия – две сестры.
 Финляндия и Россия – две матери.
 Они воплотились в этом Кресте скорби.
 Сами собой
 Их головы слились воедино.
 Их руки соединились
 В надежде,
 Чтобы любовь победила.
 А это зависит от нас.
 От каждого.

Такая надпись, объясняющая замысел памятника, была предложена его автором и начертана на памятном камне близ монумента.

В церемонии открытия приняли участие заместитель председателя Правительства России А.Л. Кудрин и премьер-министр Финляндии П. Липпонен. В выступлениях российских официальных лиц подчеркивались идеи героизма и верности воинскому долгу, тогда как финские руководители делегаций отмечали жертвенность и вину тоталитарных режимов, развязавших эту войну. Общим в их выступлениях было убеждение, что время, когда была возможна военная конфронтация между соседними народами, навсегда ушло в прошлое, а также уверенность в развитии добрососедских отношений в будущем.

Помимо официальных лиц в церемонии открытия участвовали ветераны, родственники погибших, лица, внесшие личный вклад в сооружение памятника «Крест скорби». Однако символическое примирение у «Креста скорби» не вышло за пределы политической сферы. Не случайно российские газеты в репортажах об открытии памятника подчеркивали, что вскоре после этого премьер-министр Финляндии вновь подтвердил, что его страна не собирается ставить вопрос о возвращении территорий, отошедших к Карелии после Зимней войны [17].

То что новые символы культурной памяти противоречат живой памяти определенных групп населения Карелии, показали дискуссии, возникшие при сооружении памятного знака воинам, погибшим в годы Второй мировой войны близ поселка Повенец. Против сооружения памятника «финским захватчикам» выступили ветераны [18]. Возмущение тем, что решение было принято районной администрацией без учета мнения «общественности», выразили жители поселка [19]. В конечном счете конфликт был улажен, и памятник, напоминающий раскрытую книгу, на одной из страниц которой начертаны слова о погибших советских солдатах, а на другой – о финских, был открыт 25 августа 1996 года. На его открытии присутствовал бывший президент Финляндии М. Койвисто, сам воевавший когда-то под Повенцом [20].

Особый резонанс в Карелии вызвали абсурдные предложения депутата городского совета Петрозаводска В.В. Грина воздвигнуть памятник К.Г. Маннергейму в поселке Шуя, расположенном недалеко от столицы Карелии. Абсурдность его предложения, заключающуюся в незнании исторического контекста и непонимании мемориальной функции памятников, служащих основой для идентификации, показали многочисленные реплики на созданных для обсуждения этого вопроса интернет-форумах. Это предложение высказывалось дважды: сразу же после возложения венков российскими президентами В.В. Путиным в 2007 году и Д.А. Медведевым в 2009 году к памятнику К.Г. Маннергейму в Хельсинки во время их официальных визитов в Финляндию, что свидетельствует о мотивации «независимого депутата», который стремился получить дивиденды от пиар-акций, демонстрирующих приверженность политическим лидерам страны. Именно так характеризовали действия В.В. Грина большинство участников форумов – преимущественно молодые люди [21].

Однако наиболее резкий протест предложения депутата вызвали у пожилых представителей Союза малолетних узников финских концлагерей в Карелии. Союз возник в конце 1980-х годов, когда политика гласности дала возможность для обсуждения их травматического опыта, замалчиваемого ранее ввиду поддержания добрососедских отношений между СССР и Финляндией. Болезненный характер воспоминаний был усилен еще и тем, что в начале нового тысячелетия им было отказано в выплате компенсаций сначала немецким правительством, сославшись на то, что концлагеря были созданы финнами. Затем, в 2004 году Президент Финляндии Т. Халонен в ответ на их обращение заявила, что все обязательства, в том числе по возмещению ущерба гражданам, причиненного во время войны, выполнены в соответствии с мирным договором 1948 года. Попытки же добиться компенсации от местных властей нередко наталкивались на бюрократические препоны, требования документального подтверждения статуса узника, что вызвало ряд скандальных судебных разбирательств (документы были размещены на сайте Карельского регионального отделения Международного союза малолетних узников фашизма [22], а сейчас отсутствуют на обновленном сайте организации). Признаваемый в советское время статус жертв фашизма, по сути, подвергся сомнению.

Ответом на сложившуюся ситуацию стала активная публикация сборников воспоминаний о финском оккупационном режиме, представление их обществу через СМИ. Тем самым травмирующий опыт стал основой не только для формирования социальных связей, но и для идентификации этой группы. По сути, она оформилась в это время в «группу воображаемого родства» [23, р. 1]. Важную роль в ее оформлении играл «нарративный фетишизм», который выражается в стремлении сообществ, переживших травмирующий опыт, использовать повествования о прошлых травмах без соответствующей корректировки их коллективных идентичностей в настоящем. «Нарративный фетишизм» является стратегией повторного переживания травматического опыта, при которой анализ его причин подменяется рассказом об утратах и страданиях [24]. В результате вместо «проработки прошлого» [25] заявлялось исключительное право на правдивость воспоминаний только этой группы, хотя историками Карелии в рамках проектов по устной истории были записаны воспоминания, дающие иную картину происходившего во время войны [26].

Характерно, что такое стремление членов Союза малолетних узников финских концлагерей сделать собственные воспоминания центром смыслообразования повествований о войне символически выразилось в монументальной практике. Созданный еще в 1969 году мемориал жертвам фашистских концлагерей стал местом памяти для этой группы. Однако он расположен на окраине города, а в ритуалах поминовения в постсоветский период здесь участвовало

лишь небольшое число узников концлагерей и их родных. Чтобы символически закрепить свой статус, Общество малолетних узников добилось открытия двух памятных знаков на местах расположения концлагерей в Петрозаводске. Открытие первого из них состоялось 24 июня 2005 года и было приурочено к празднованию Дня Петрозаводска, проходившему под знаком 60-летия победы в Великой Отечественной войне. Примечательной особенностью открытия второго знака в 2011 году стало участие в нем мэра Петрозаводска Н. И. Левина, представителей Совета ветеранов Карелии, учеников 35-й школы и 13-го лицея, изучающих историю концлагерей в Петрозаводске. Во время церемонии открытия мэр выразил официальное признание заслуг Союза: «На вашу долю выпали тяжелые годы плена, вы были лишены детства, росли в голоде и унижении, но выстояли. Вы, настоящие патриоты нашей Родины, достойно воспитали своих детей и внуков, и продолжаете передавать любовь к Родине подрастающему поколению. Спасибо вам» [27].

Наконец, с эстетической точки зрения эти знаки памяти отличаются минимализмом. Они представляют собой естественные каменные глыбы, на которых прикреплены памятные доски. С одной стороны, это свидетельство бедности узников (при открытии первого знака подчеркивалось, что его эскиз был разработан одним из бывших узников, петрозаводчанином А.М. Варухиным), с другой – отказ от эстетического воплощения травматического опыта может интерпретироваться как сознательное умолчание о том, что должно быть очевидным. Тем самым памятные знаки подкрепляют мемориальную политику, которую принято называть «долг памяти».

Новые перспективы трансформации образа войны открылись с начала 1990-х годов в связи с реализацией российско-германской политики, названной «Эра примирения». Восстановление могил немецких военнопленных на кладбище Пески возле Петрозаводска и на сельском кладбище близ деревни Паданы (1995–1997) вызвало общественную дискуссию: как относиться к тем, кто погребен там? [28–30]. Вполне определенным результатом этих дебатов могут служить слова, появившиеся на одном из надгробий на кладбище Пески: «Помни их и жертв всех войн». Показательно, что инициаторами восстановления кладбищ военнопленных были те, кто сам пострадал от войны. В.Н. Мизко, прошедший через ужасы нескольких нацистских лагерей, и пастор П. Целлер, который был военнопленным в Петрозаводске, стали символами политики примирения [31]. Представители молодого поколения – юноши и девушки из колледжа Кепплера в Тюбингене и из Петрозаводского лицея – поддерживали инициативу и вместе работали, чтобы привести в порядок могилы советских солдат и немецких военнопленных, расположенные недалеко друг от друга [32]. Идея, вдохновлявшая их, выражена в словах, выгравированных на одной из плит, покрывающих братскую могилу: «Против войны и насилия, за согласие, мир и общее будущее». Память о том, что война приносит не столько победу, сколько страдания, горе и неисчислимые жертвы, была вновь запечатлена на обелиске, воздвигнутом над останками молодого немецкого солдата, перезахороненного в Петрозаводске в 2007 году. Надгробная эпитафия гласит: *der Kriegsopfer – wer misst, aber nicht vergessen* (Жертвам войны – исчезнувшим, но не забытым) [33]. Описанные случаи являются хорошими примерами политики, названной П. Рикером «примиряющая память» [34, с. 633 и сл.]. Однако эта идея поддерживалась не всеми жителями Карелии, как показали социологические исследования. Только треть опрошенных петрозаводчан согласилась с идеей установления памятника «всем жертвам войны». Этот показатель был еще ниже в небольших городах и деревнях Карелии.

Таким образом, военные мемориалы в Карелии остаются местами памяти, которые используются для утверждения государственных идеалов и которые связаны с прославлен-

нием подвигов героев. Но достаточно ли такой подлинной памяти, чтобы устранить возможность новых войн? Несмотря на значительно расширившийся за счет новых памятников мемориальный ландшафт Карелии и Петрозаводска, сложившаяся в советский период традиция героизации Великой Отечественной войны оказалась лишь слегка подновленной. Война по-прежнему является основополагающим событием в поддержании идентичности россиян, а мемориалы представляют собой ритуальные площадки, где прославляются герои, а подрастающее поколение наследует их славу. Правда, не вполне ясно, где истоки славной победы, поскольку символы Октябрьской революции стыдливо изъяты из церемоний и ритуалов. Во многом такая ситуация порождена инструментализацией памяти о войне, которая используется представителями региональной администрации как средство борьбы за голоса избирателей, а ветеранами для укрепления и повышения своего статуса. При таком конъюнктурном обращении к памяти не понятно, что следует помнить, а что можно, а может быть, и нужно предать забвению.

Список литературы

1. Судаков В.П. Поле неуставшей памяти. – Петрозаводск: Карелия, 2008. – 559 с.
2. Ankersmit F.R. Remembering the Holocaust: Mourning and Melancholia // *Historical Perspectives on Memory*. – Helsinki: SHS, 1999. – P. 91–113.
3. Адоньева С.Б. Категории ненастоящего времени: антропологические очерки. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 167 с.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // *Франция-память*. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
5. Koselleck R. War Memorials: Identity Formation of the Survivors // *Practice of Conceptual History: Timing History, Spacing Concept*. – Stanford: Stanford University Press, 2002. – P. 285–326.
6. Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность // *Цепь времен: проблемы исторического сознания*. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 38–62.
7. Штыкова И.С. По следам неостывшей памяти: проекты военных мемориалов в Карелии во второй половине 1940-х годов // *Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та*. – 2017. – № 3 (164). – С. 86–91.
8. Антипенко И.С. Воинские мемориалы в Карелии // *Исторический архив*. – 2013. – № 4. – С. 32–47.
9. Антощенко А.В. Изменение конфигурации пространства «мест памяти» о Великой Отечественной войне (на примере Петрозаводска) // *История и культура страны победительницы: к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: труды междунар. науч. конф.*, 28–29 апр. 2010 г. – Самара, 2010. – С. 191–201.
10. Антощенко А.В. Создание монументальной основы ритуализации празднования Победы в Великой Отечественной войне в г. Петрозаводске // *Проблемы славянской культуры и цивилизации: материалы XII Междунар. науч.-метод. конф.* – Уссурийск, 2010. – С. 8–11.
11. Антощенко А.В., Волохова В.В. День Победы в истории Петрозаводска // *История в подробностях*. – 2010. – № 1. – С. 89–98.
12. Подвиг ваш бессмертен // *Ленинская правда*. – 1991. – 10 мая. – С. 1.
13. Самый дорогой праздник // *Северный курьер*. – 1992. – 12 мая. – С. 1.
14. Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. – 2002. – Vol. 92. – No. 3. – Sept. – P. 524–547.

15. Антипенко И.С., Антощенко А.В., Волохова В.В. Память на перекрестке времен: военные монументы Петрозаводска // Родина. – 2010. – № 6. – С. 101–103.
16. Таблица 1. Общее распределение ответов респондентов. Лаборатория визуальных исследований в истории. Сайт Петрозаводского государственного университета (архивная версия). – URL: http://old.petrso.ru/Faculties/History/Lab_visual/rgnf.html (дата обращения: 28.04.2019).
17. Документы по сооружению и открытию памятника «Крест скорби» (на русском и финском языках) // Национальный архив Республики Карелии. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 357/2207.
18. Федорова Е. О памятнике и памяти // Вперед (Независимая газета социальной защиты). – 1996. – 18 июля. – С. 1.
19. Евсеева В. С народом не посоветовались // Карелия. – 1996. – 20 авг. – С. 4.
20. Киуру В. Надо помнить о них и дружить: В Повенце открыт памятный знак воинам, погибшим в 1941–1945 гг. // Северный курьер. – 1996. – 27 авг. – С. 1.
21. Памятник Маннергейму в Карелии. Vip Forum. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vip.karelia.pro/viewtopic.php?p=3725938> (дата обращения: 13.04.2019).
22. Карельское отделение Международного союза малолетних узников фашизма [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.deti-uzniki.org/> (дата обращения: 14.05.2010).
23. Winter J. Remembrance and Redemption // Harvard Design Magazine. – 1999. – № 9. – Р. 1–6.
24. Santner E. History Beyond the Pleasure Principle: Thoughts on the Representation of Trauma // Probing the Limits of Representation: Nazism and the Final Solution. – Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 1992. – Р. 143–154.
25. Адорно Т. Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3 (40–41). – С. 58–65.
26. Киселева О. А., Никулина Т. В. Оккупация 1941–1944 годов и практики выживания в памяти финно-угорского населения Республики Карелии // Опыт мировых войн в России. – Челябинск: Каменный пояс, 2007. – С. 577–591.
27. В Петрозаводске установлен памятный знак малолетним узникам. Сайт правительства Республики Карелия. Новости 11 ноября 2011. – URL: http://www.gov.karelia.ru/News/2011/11/1110_08.html (дата обращения: 16.09.2016).
28. Кладбище в Падозере // Северный курьер. – 1995. – 24 июня. – С. 4.
29. Кутьков Н. Над могилами мы протягиваем друг другу руки // Петрозаводск. – 1995. – 7 июля. – С. 11.
30. Кутьков Н. Псалом в лесу, или Качели над могилами. О старых и «новых» немецких кладбищах // Петрозаводск. – 1995. – 14 июля. – С. 12.
31. Цыпкин Э.И. Путь к примирению // Россия и Германия: прошлое и настоящее: материалы межвуз. междисциплинар. науч.-практ. конф., 22–23 апр. 2004 г. – Петрозаводск, 2004. – С. 126–130.
32. Гладких Р. Последняя точка. Новый отсчет // Петрозаводск. – 1995. – 21 июля. – С. 1.
33. Вербин В. Исчезнувшим, но не забытым // Столица на Онего. 2011. 27 июня. Электрон. газета. – URL: <http://stolica.onego.ru/articles/166266.html> (дата обращения: 13.03.2019).
34. Рикер П. Память, история, забвение. – М.: Изд-во гум. лит., 2004. – 728 с.

References

1. Sudakov V.P. Pole neustavshei pamiati [Field of unsettled memory]. Petrozavodsk, Kareliia, 2008, 559 p.
2. Ankersmit F.R. Remembering the Holocaust: mourning and melancholia. *Historical perspectives on memory*, Helsinki, Suomen Historiallinen Seura, 1999, pp. 91–113.

3. Adon'eva S.B. *Kategorii nenastoiashchego vremeni: antropologicheskie ocherki* [Categories of unreal time: anthropological essays]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet, 2001, 167 p.
4. Nora P. Problematika mest pamiati [Issues of the places of memory]. *Frantsiia-pamiat'*. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii universitet, 1999, pp. 17–50.
5. Koselleck R. War memorials: identity formation of the survivors. *Practice of conceptual history: timing history, spacing concept*, Stanford, Stanford University Press, 2002, pp. 285–326.
6. Rüsen J. Krizis, travma, identichnost' [Crisis, trauma, identity]. *Tsep' vremen: problem istoricheskogo soznaniia*. Moscow, Institut Vseobshchei Istorii Rossiiskoi Akademii Nauk, 2005, pp. 38–62.
7. Shtykova I.S. Po sledam neostyvshoi pamiati: proekty voennykh memorialov v Karelii vo vtoroi polovine 1940-kh godov [In the wake of not cooled down memory: the projects of war memorials in the Republic of Karelia in the second half of the 1940s]. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2017, no. 3 (164), pp. 86–91.
8. Antipenko I.S. Voinskie memorialy v Karelii [War Memorials in Karelia]. *Historical Archive*, 2013, no. 4, pp. 32–47.
9. Antoshchenko A.V. Izmenenie konfiguratsii prostranstva "mest pamiati" o Velikoi Otechestvennoi voine (na primere Petrozavodsk) [Changing the configuration of the space of "places of memory" of the Great Patriotic War (on the example of Petrozavodsk)]. *Istoriia i kul'tura strany pobeditel'nitsy: k 65-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: Proceedings of International Conference*, April' 28–29, 2010, Samara, 2010, pp. 191–201.
10. Antoshchenko A.V. Sozdanie monumental'noi osnovy ritualizatsii prazdnovaniia Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine v Petrozavodsk [Creating a monumental foundation for the ritualization of the celebration of Victory in the Great Patriotic War in Petrozavodsk]. *Problemy slavianskoi kul'tury i tsivilizatsii: Proceedings of the XIIth International Conference*, Ussuriisk, 2010, pp. 8–11.
11. Antoshchenko A.V., Volokhova V.V. Den' Pobedy v istorii Petrozavodsk [Victory Day in the history of Petrozavodsk]. *Istoriia v podrobnostiakh*, 2010, no. 1, pp. 89–98.
12. Podvig vash bessmertn [Your feat is immortal]. *Leninskaiia Pravda*. 1991, May 10, 1 p.
13. Samyi dorogoi prazdnik [The most valuable holiday]. *Severnyi kur'er*. 1992, May 12, 1 p.
14. Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. *Annals of the Association of American Geographers*, 2002, vol. 92, no. 3, September, pp. 524–547.
15. Antipenko I.S., Antoshchenko A.V., Volokhova V.V. Pamiat' na perekrestke vremen: voennye monumenty Petrozavodsk [Memory at the crossroads of time: war memorials in Petrozavodsk]. *Rodina*, 2010, no. 6, pp. 101–103.
16. Tablitsa 1. Obshchee raspredelenie otvetov respondentov. Laboratoriia vizual'nykh issledovaniy v istorii. Saite Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (arkhivnaia versii) [Table 1. The overall distribution of responses of respondents. Laboratory of visual studies in history. Web-site of Petrozavodsk State University (archival version)], available at: http://old.petrso.ru/Faculties/History/Lab_visual/rngf.html (accessed 28 April 2019).
17. Dokumenty po sooruzheniiu i otkrytiiu pamiatnika «Krest skorbi» (na russkom i finskom iazykakh) [Documents on the construction and opening of the monument «Cross of Sorrow» (in Russian and Finnish)]. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kareliia*, f. R-3017, op. 1, d. 357/2207.
18. Fedorova E. O pamiatnike i pamiati [About the monument and memory]. *Vpered (Nezavisimaia gazeta sotsial'noi zashchity)*, 1996, 18 iulia, 1 p.
19. Evseeva V. S narodom ne posovetovalis' [Did not consult with the people]. *Karelia*, 1996, 20 avgusta, 4 p.
20. Kiuru V. Nado pomnit' o nikh i druzhit': v Povenets otkryt pamiatnyi znak voimam, pogibshim v 1941–1945 gg. [We must remember them and be friends: In Povenets a memorial sign was opened to soldiers who died in 1941–1945]. *Severnyi kur'er*, 1996, 27 avgusta, 1 p.
21. Pamiatnik Mannergeimu v Karelii [A monument to Mannerheim in Karelia], available at: <http://vip.karelia.pro/viewtopic.php?p=3725938> (accessed 13 April 2019).
22. Karel'skoe otdelenie Mezhdunarodnogo soiuzha maloletnikh uznikov fashizma [Karelian branch of the International Union of Former Juvenile Prisoners of Fascism], available at: <http://www.deti-uzniki.org/> (accessed 14 May 2010).
23. Winter J. Remembrance and Redemption. *Harvard Design Magazine*, 1999, no. 9, pp. 1–6.
24. Santner E. History Beyond the Pleasure Principle: Thoughts on the Representation of Trauma. *Probing the Limits of Representation: Nazism and the Final Solution*, Cambridge (Mass.), London, Harvard University Press, 1992, pp. 143–154.
25. Adorno T. Chto znachit «prorabotka proshlogo» [What does «study of the past» mean?]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2005, no. 2–3 (40–41), pp. 58–65.
26. Kiseleva O.A., Nikulina T.V. Okkupatsiia 1941–1944 godov i praktiki vyzhivaniia v pamiati finno-ugorskogo naseleniia Respubliki Kareliia [The occupation of 1941–1944 and the practice of survival in the memory of the Finno-Ugric population of the Republic of Karelia]. *Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii*, Cheliabinsk, Kamennyyi poias, 2007, pp. 577–591.
27. V Petrozavodsk ustanovlen pamiatnyi znak maloletnim uznikam [A memorial sign to juvenile prisoners [of fascism] was installed in Petrozavodsk]. *Official website of the government of the Republic of Karelia*, News, 2011, November 10, available at: http://www.gov.karelia.ru/News/2011/11/1110_08.html (accessed 16 September 2016).
28. Kladbishche v Padozere [Cemetery in Padozero]. *Severnyi kur'er*, 1995, June 24, 4 p.
29. Kut'kov N. Nad mogilami my protiagivaem drug drugu ruki [Over the graves, we stretch each other's arms]. *Petrozavodsk*, 1995, 7 iulia, 11 p.
30. Kut'kov N. Psalom v lesu, ili Kacheli nad mogilami. O starykh i «novykh» nemetskikh kladbishchakh [Psalm in the forest or Swing over the graves. About old and «new» German cemeteries]. *Petrozavodsk*, 1995, 14 iulia, 12 p.
31. Tsytkin E.I. Put' k primireniyu [Path to reconciliation]. *Rossia i Germaniia: proshloe i nastoiashchee. Proceedings of International Scientific and Practical Conference, 22–23 apreliia 2004 goda*. Petrozavodsk, Karel'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2004, pp. 126–130.
32. Gladikh R. Posledniaia tochka. Novyi otschet [Last point. New countdown]. *Petrozavodsk*, 1995, 21 iulia, 1 p.
33. Verbin V. Ischeznuvshim, no ne zabytym [To disappeared but not forgotten]. *Stolitsa na Onego*, 2011, June 27, available at: <http://stolica.onego.ru/articles/166266.html> (accessed 13 March 2019).
34. Ricœur P. *Pamiat', istoriia, zabvenie* [Memory, history, oblivion], Moscow, Gumanitarnaia literatura, 2004, 728 p.